

est, sermo et ratio, per quae Deum adgnosimus, sentimus, imitamur, ignorare nec fas, nec licet ingerentem sese oculis et sensibus nostris caelestem claritatem sacrilegii enim vel maximi instar est humi quaerere, quod in sublimi debeas invenire. quo magis mihi videtur qui hunc mundi totius ornatum non divina ratione perfectum volunt, sed frustis quibusdam temere cohaerentibus conglobatum, mentem, sensum, oculos, denique ipsos non habere. quid enim potest esse tam apertum, iam confessum tamque perspicuum, cum oculos in caelum sustuleris et quae sunt infra circaque lustraveris, quam esse aliquod numen praestantissimae mentis, quo omnis natura inspiretur, moveatur, alatur, gubernatur? Caelum ipsum vide, quam late tenditur, quam rapide volvitur, vel quod in noctem astris distinguitur, vel quod in diem sole lustretur, jam scies, quam sit in eo summi moderatoris mira et divina libratio. Vide et annum, ut solis ambitus faciat, et mensem vide, ut luna auctu, senio, labore circumagat. Quid tenebrarum et luminis dicam recursantes vices, ut sit nobis operis et quietis alterna reparatio? reliquenda vero astrologis prolixior de sideribus oratio, vel quod regant cursum navigandi, vel quod arandi metendique tempus indicant, quae singula non modo ut crearentur, fierent, disponerentur, summi opificis et perfectae rationis eguerunt, verum etiam sentiri, perspicui, intellegi, sine summa sollertia et ratione non possunt. quid, cum ordo temporum ac frugum stabili varietate distinguitur, nonne auctorem suum parentemque testatur ver aequae cum suis floribus et aestas cum suis messibus et autumnus maturitas grata et hiberna olivitas necessaria? qui ordo facile turbaretur, nisi maxima ratione consisteret... mari intende, lege litoris stringitur: quidquid arborum est vide, quam e terrae visceribus animatur; aspice oceanum, refluit reciprocis aestibus; vide fontes, manant venis perennibus: fluvios intuerе, eunt semper exercitis

ными к земле, ничего не могут видеть, кроме пастбища. Нам, у которых лица поставлены прямо и взор которых обращен к небу, нам, обладающим речью и разумом, посредством которых мы познаем, ощущаем бога и уподобляемся ему, нам непростительно и непристойно не познавать глазами и чувствами нашими небесный свет, обнимающий нас. Было бы величайшим святотатством искать на земле того, что ты должен находить в высотах. Тем более кажутся мне лишенными ума, чувства, даже самых глаз те, кто прекрасное устройство этого мира полагают созданным не божественным промыслом, а составленным из каких-то случайно сцепленных кусков. Что может быть столь открытым, очевидным и доступным рассмотрению, когда ты поднимешь глаза к небу и осветишь все, что есть внутри и вокруг тебя, как не то, что есть некоторое существо превосходящего разума, которым вся природа одухотворяется, приводится в движение, питается и управляется? Посмотри на небо, как широко оно раскинуто, как стремительно обращается, или как оно ночью усеивается звездами, или как днем освещается солнцем, — и ты узнаешь в этом чудное и дивное равновесие мира, поддерживаемое волею верховного распорядителя. Посмотри, как солнце своим круговым движением образует год, как луна, нарастая, убывая и скрываясь, образует месяц. Что скажу о повторяющихся чередованиях тьмы и света, представляющих нам попеременно время для труда и отдыха? Предоставим астрономам более подробное рассуждение о звездах, как они управляют курсом корабля, или как определяют время пахоты и жатвы. Для того чтобы все это в отдельности не только было создано, существовало и располагалось в порядке, нужен был высший мастер и совершенный разум; но и для того, чтобы почувствовать все это, рассмотреть, уразуметь, нужны высшее искусство